

МИР МЕЧТЫ

Сборник стихов авторов
литературного портала
Изда-читальня

Ноябрь – Декабрь 2013

Коллектив авторов

**Мир мечты. Сборник стихов
авторов литературного
портала Изба-Читальня**

«Accent Graphics communications»

2013

авторов К.

Мир мечты. Сборник стихов авторов литературного портала Изба-Читальня / К. авторов — «Accent Graphics communications», 2013

Поэзия – это мир мечты, игра воображения, магическая музыка слов, способная изумлять тех, кто соприкоснулся с ней. На смену золотому и серебряному веку русской поэзии пришла новая эпоха – эпоха сетевой поэзии. В очередной электронный поэтический сборник Избы-Читальни вошли стихи 17-и авторов, которые ранее не публиковались в сборниках сайта. Выражаем свою благодарность авторам, которые доверили нам отбор своих стихотворений, полагаясь на наш опыт и литературный вкус. Отличных работ на страницах авторов было так много, что отобрать лучшие из них было очень трудно. Возможно, что сами авторы не совсем могут быть согласны с теми произведениями, которые мы отобрали. Возможно... А удалось ли им (и вместе с ними и немного нам) открыть дверь в мир мечты, судить только вам, дорогие читатели.

© авторов К., 2013

© Accent Graphics
communications, 2013

Содержание

1. Эльдар Ахатов[1]	6
2. Владимир Безладнов[2]	17
3. Саша Бест[5]	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Лилия Кликич, Алеж Катои

Мир мечты

Т/О «НЕФОРМАТ» Издат-во Accent Graphics Communications, Montreal, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

1. Эльдар Ахадов¹

1.1. Снег идёт

Не помню в день какой и год
Из детства раннего, в котором
«А снег идёт! А снег идёт!» —
Мы у окна кричали хором:

Шёл снег, стояли холода,
От ветра что-то дребезжало.
Ты на руках меня тогда
С улыбкой бережно держала.

И мы кричали: «Снег идёт!»
Так радостно и простодушно,
Что он с тех пор который год
Всё так же падает послушно.

И всякий раз в канун зимы
Едва ветра затянут вьюгу,
Мне снова чудится, что мы
Кричим с тобой на всю округу...

Был тихим нынешний рассвет,
Лишь сердце с полночи щемило...
«Её на свете больше нет» —
Сестра мне утром сообщила.

Но только телефон умолк,
Как снег пошёл повсюду снова.
...Хотел я крикнуть... и не смог.
И выдохнуть не смог ни слова!

Летит, летит весёлый снег,
Кружит и падает, как эхо...
Неправда, что тебя здесь нет.
Смотри, родная: сколько снега!

¹ <http://www.chitalnya.ru/users/eaakhadov/>

1.2. Сын

Сложная, разная, грешная,
Жизнь моя, гасни и стынь:
Плачет жена безутешная,
Болен мой сын.
Ужас по клетке, по лестничной —
Шествует, хрипло дыша,
Плачет мой сын пятимесячный,
Криком исходит душа.
Кашляет долго, кровиночка.
Стонет родимый – во сне.
Сын мой, сыночек мой, сыночка!..
Рученьки тянет ко мне.
Мой дорогой, мой единственный,
Как тебе, милый, помочь?"
Выстрадай хворушку, выстонай
Эту проклятую ночь!
Завтра сквозь окна больничные
Солнышко бросит лучи.
Здесь, мой хороший, отличные,
Здесь золотые врачи.
Ты же бесёнок отъявленный!
Ты же, мой мальчик, силач!..
С мамой в больницу отправленный, —
Спи, успокойся, не плачь...
В дом возвращаюсь покинутый
И... обжигает всего:
Там, на полу, опрокинутый,
Плачет тигрёнок его.

1.3. Молитва о тебе

Прошу Тебя, Господи,
дай тому самому человеку,
который читает сейчас эти строки,
всё, о чём он Тебя просит!
Дай ему это полной мерой,
как умеешь давать только Ты один!
И пусть он будет счастлив
во все его дни,
а если невозможно такое,
то хотя бы сколько-нибудь.
Даруй ему
крепкое здоровье
и любовь ближних,
понимание и сочувствие...
Сделай так,
чтобы душа его
всегда светилась
одной лишь любовью
ко всему сущему,
огради его от дурнословия,
от обид и зависти,
от войн и смертей,
от боли физической и душевной,
если же всё это неизбежно, —
не покинь его и тогда,
дай утешение.
Спаси для него всё,
что дорого ему на земле.
Если же поздно просить об этом, —
не лишай его памяти...
Не знаю – верит ли в Тебя
читающий сейчас
эту молитву о нем,
но даже если и не верит:
помоги ему!
Пусть он чувствует,
что – не одинок,
что нужен и любим...
Милостивый и добрый мой Господь!
Исполни это моё желание!
Исполни его так,
чтобы прежде,
чем закроются глаза мои,
я мог сказать:
«Благодарю Тебя, Господи!

Ты слышишь меня...»

1.4. На посошок

Хозяева! На посошок – вина!
Всё было вкусно, чинно, благородно.
Я не смотрю: целуйтесь, что угодно...
Ах, да! Я – рад, что ты – его жена.
Что эта речь нелепа и смешна,
Что роль моя, бесспорно, неуместна,
Не объясняй, я знаю, если честно,
Но чашу пью, как водится, до дна.
И что теперь? На посошок? Вина?
Нет. Покурю сначала – у окошка.
Что странного? Ну, выпил я немножко.
Случаются такие времена.
И все же чашу надо пить до дна,
До дна – чтобы текло по подбородку.
О, сколько нужно на такую глотку,
Чтобы забыть, что ты теперь – жена!..
«Хозяева! На посошок – вина!»
И хлопнет дверь. И вздрогнешь ты невольно.
Не притворяйся, что тебе не больно.
Уже темно. И дует от окна.

1.5. Дорога

Гонимые ветром, томимые жаждой,
Палимые солнцем и жгучим песком,
Идут они вечно, и, страждя, каждый
О милости молит сухим языком.
И кажется каждому: здесь он случайно,
И нужно спасать непременно его,
И путь этот – чья-то жестокая тайна,
Поскольку не будет в конце ничего,
И кажется: стоит помыслить немного,
Как тут же найдется иная стезя,
А эта – дана для народа другого,
Такого, какой и представить нельзя!..
.....
...Но нет никакого другого народа.
И нет никакого иного пути.
Есть только дорога, дорога, дорога,
Дорога, которую нужно пройти.

1.6. Из детства

За воздухом звонким, как песня,
В край светом объятых берёз,
К бабуле в деревню под Пензой
Мой дед меня в детстве привёз.
Я помню тот сказочный поезд
И розвальни-сани, и снег,
Сугробы по грудь и по пояс,
И конский размеренный бег,
Синичек под тёплой застрехой,
С геранью и печкою дом...
Куда бы я после ни ехал,
А помню всё время о том.

1.7. Там, где радость и покой

Там, где радость и покой,
За молочную рекой —

Льётся мёд из облаков
На детей и стариков.

Тихо плещется река,
Сны плывут издалека.

Улыбаюсь каждый миг:
То ребёнок, то старик...

1.8. Не взяли

Играют в космос дети —
Сто первый детский сад.
В раскрашенной ракете
Куда-то там летят.
И лишь, надувши губы,
В сторонке, как всегда,
Мальш из младшей группы,
Не взятый никуда.
Стоит и чуть не плачет:
Эх, не берут с собой!..
А он – хороший мальчик,
Он, может быть, герой!
Испачканы штанишки,
Кругом – один песок:
Вот как тебя – мальчишки,
А ты молчишь, дружок.
А в космосе открытом,
Опасностей не счесть!
И ждут людей они там,
Где только люди есть!
Скажу о тайне важной,
О той, что ты молчишь:
Весь мир спасёт однажды
Вот этот вот мальш!
Он всех храбрей на свете!
Он – гордость всей страны!
Возьмите парня, дети.
Возьмите, пацаны...

1.9. День чист и светел

День чист и светел, как слеза,
Как ветер за плечом.
И улыбаются глаза
Так просто, ни о чём.
И улыбается она,
И шутит он в ответ.
Они идут. Кругом весна.
Повсюду тает снег.
И пусть сосульки бьются вдрызг,
Нога скользит по льду.
Они, смеясь, идут на риск,
Целуясь на ходу.
Нет, не губами, – только взгляд,
Но как звенят сердца!
И так сто тысяч раз подряд —
До самого конца!..
И вот стоят лицом к лицу —
Почти уже ничьи.
А по бульварному кольцу
Текут, бегут ручьи.
И жизни радужная нить
Поёт что было сил...
Она просила не звонить.
И он не позвонил.

1.10. Вкусный снег

Да что же ты наделала!
Ну, как тебе помочь?!
В детсаде снега белого
Опять наелась дочь.
Компрессы, ингаляции,
Микстуры, капли в нос —
В подобной ситуации
Попали под вопрос.
Глядит она доверчиво,
Увы, ей всё – игра.
Над нею бьёшься с вечера,
Спасаясь до утра...
Но лишь народ детсадовский
Во двор пойдёт гулять, —
Снежок с великой радостью
Куснёт она опять!
.....
Сверкая, с неба целого
Нисходит волшебство...
И слаще снега белого
Нет в мире ничего!

2. Владимир Безладнов²

2.1. Откровения сетевого поэта (Из иронического цикла «Сеть»)

Когда порой бессонными ночами
Накатит вдруг томление души,
И Муза (с обнаженными плечами)
Начнет зудить: садись, мол, и пиши...

– О чем? – спрошу.
– Да разве это важно?
Пиши, о чем захочешь... *C'est la vie!*..
О чем трюндят в поэзии «бумажной»?
О дружбе... о возвышенной любви...

О подвигах... о доблести... о славе...
О странностях загадочной души...
О пышных прелестях соседки Клавы,
Что так тебя волнуют, напиши!..

– Да что ты... что ты?!.. Бог с тобой, родная!
К чему чужие повторять грехи?..
Смешно писать о том, чего не знаешь!..
Не все, что зарифмовано – стихи!..

Но, хоть я Музу и считаю... дурой,
Хоть я сопротивляюсь ей... пока...
Моя неугомонная рука
Уже ползет... чтобы включить ПК...
Мгновение – и, в ритме гопака,
Порхают пальцы над клавиатурой.

За словом слово, и за фразой фраза —
Звенят, как колокольчик под дугой...
Одна строка несется за другой,
Как кисть художника, опережая разум...

За часом час, мелькают, как мгновенья,
И, наконец, – к рассвету – рождено
В счастливом пароксизме вдохновенья...
Большое!.. эпохального значенья!..
Да-да, вы правы... – именно оно.

² <http://www.chitalnya.ru/users/besladnov/>

Мне говорят – не всем писать дано...
Но я, прекрасно это понимая,
И бесконечной критике внимая,
Плюю на все!.. и, Музу обнимая,
Писать не перестану все равно!

2.2. Дорога к «Рая»

Судьба бережет кого-то... другому – хоть в гроб ложись!
И с ней ничего не поделаться: не зря же, с дремучих веков,
Не только свою работу – всю свою горькую жизнь
На три категории делят зрители маяков.

Материковые будни для нас – зрителей – «Рай»!
Хозяйство... семья... порядок... – привычный, устойчивый быт...
Неважно, что «завтра» будет такое же, как «вчера», —
Ты знаешь, что люди рядом... что ты не совсем забыт...

Что дети учатся в школе, хотя, до нее и не близко...
Что можно смотаться в город – с друзьями попить пивка...
Что доктор придет – если болен... что здесь у тебя – прописка,
И ты называешься – гордо! – «Хозяином маяка».

Но «Рая» достичь непросто: сначала – «Чистилища» годы —
Гнетущая безотрадность... тоски ожидания юдоль...
«Чистилище» – это остров. Безлюдный клочок природы,
Исхоженный тысячекратно – что поперек, что вдоль.

«Чистилище» – робинзонада... отшельничий скит далекий...
Тюрьма, крепче бастилий... отказ от житейских усад...
Но мы и «Чистилищам» рады, хотя в них так одиноко...
Ведь каждый из нас, до «Чистилищ», прошел прижизненный
«Ад»,

Который тебя стирает, как карандашный грифель...
В котором, себя забывая, вдали от любых земель,
Вдали от «Чистилищ» и «Рая», на голом каменном рифе,
А то и вовсе – на сваях, вколоченных в чертову мель,

Ты ждешь окончания вахты... порой – по полгода... без связи...
А в море – снова и снова – на долгие месяцы шторм...
И бред становится фактом... и мысль в этом бреде вязнет...
И ты, к суициду готовый, с судьбой начинаешь торг...

Ты напрочь теряешь стойкость... тебя навещают глюки,
И это – отчетливый признак того, что сходишь с ума...
И ты зарываешься в койку, задрав двери и люки,
А свет зажигает... призрак... когда подступает тьма...

Не верь, читатель, поэтам!.. и их романтическим бредням!
Не верь идиллическим сказкам о нашей «завидной» судьбе!
Дорогу к «райскому свету» осилим мы... если не сбрендим...
Не дай тебе Бог, все это хоть раз испытать на себе!

2.3. Листья жгут

День по-летнему ясен и светел...
Теплый воздух пропитан озоном...
Листопад!.. – и счастливые дети
С визгом носятся по газону...

Сквозь верхушки деревьев голых
Солнце жаркое так и брызжет!..
Полыхает земля под ногою
Влажным пламенем огненно-рыжим...

Карапуз – двухлетний мальчишка
В ослепительно яркой бандане —
Босиком, в трикотажных трусишках,
Удирает от старенькой няни...

Ах, какая, должно быть, радость —
По листве топотать что есть мочи!..
Няня – шариком – катится сзади...
Догоняет... – и оба хохочут!..

Что ж... картинка – предельно живая...
Но сегодня, я должен признаться,
Листопад у меня вызывает
Мрачноватые ассоциации:

Люди – в желтом – метут аллеи...
Листья палые в кучи сгребают...
Поджигают... – и листья тлеют
Серым дымом костров... погребальных.

Потому-то и воздух чистый —
Для меня – на полыни настоян,
И сверкает ковер из листьев
Умирающей красотой.

Ведь и мы – как и всякая живность,
Как и листья – подвержены тлению...
Осыпаются с дерева жизни
Поколение за поколением.

Из Канады – печальная новость:
Друг, оторванный от России,
Лег на землю листом кленовым,
Багровея апоплексией...

Время вовсе не романтично:
Пишет жизнь не стихами – прозой...
Вот – другой отлетел... мучительно...
Пожелтев, словно лист березовый...

Правда, третий – редчайший случай —
Был засушен в гербарий истории...
Остальные сгребаются в кучи...
И сжигаются... в крематориях...

Сколько их – отлетевших бесславно?..
Унесенных осенним ветром?!..
Я еще черенком ослабленным
Кое-как цепляюсь за ветку...

Я еще держусь – желто-красный!..
Я смотрю на детей... – О, Боже!..
До чего же они прекрасны!..
До чего же на нас похожи!..

Здравствуй, детство мое лучистое!..
Голоштанное!.. босоное!..
Подождите!.. Не жгите листья!..
Пусть еще полежат... хоть немного.

2.4. Исход

*Николаю Туроверову, Арсению Несмелому,
Ивану Савицу и другим – гораздо менее известным,
а то и не известным вовсе поэтам-белогвардейцам
посвящается.*

Не отход, а исход! Бредем на восток,
Ноги, стертые в кровь, волоча.
Половина пути – по колено песок,
Половина пути – солончак.

От колодца к колодцу – палящий зной:
Вот уж месяц, как нет дождей...
Были б кони!.. но – нет!.. Кони пали давно.
Люди все же сильнее лошадей.

Прошлой ночью сбежали проводники
(Вот и верь сволочам-басмачам!..),
А на пятках – какого-то Фрунзе полки...
Облепили, как саранча.

Налетают, под вечер... внезапно... вдруг...
Не давая остыть ногам.
Хорошо, что есть ты, мой проверенный друг —
Револьвер системы «Наган»!

Три часа назад был последний бой.
Ты был скор!.. – и упал с коня,
Рядом с тем, кто меня заслонил собой,
Тот, который стрелял в меня.

Вот – лежат они... рядом... щека к щеке —
Враг приник, в смертный миг, к врагу...
Пятна крови на белом солончаке,
Словно гроздь рябины в снегу.

Мы черствы: по погибшим уже не скорбим —
Нынче впору скорбеть по живым.
Что нас ждет впереди?.. Синьцзян и Харбин?..
«Новой жизни» поспешные швы?..

Перспектива черна, как монаший клубок:
Вместо дома – чужая земля,
Вместо белых берез – арча и бамбук,
Вместо ржи на полях – гаолян...

Не за это дрались мы, Россию любя!
Так на скрипке рвется струна...
Ты прости, что пришлось нам оставить тебя,
Изнасилованная страна!..

Что тебя – нашу Мать, Жену и Сестру —
Мы омыли кровавым дождем!..
Уходить, чтоб вернуться – порочный круг!
Ты не верь! – мы уже не придем.

Будут, медленной болью, тянуться года
Над какой-нибудь Желтой рекой,
И не будет покоя нам никогда,
Разве только – Вечный покой.

Кто там врет, что мы жизнь прожили не зря?!
Чем дышать прикажете мне,
Если больше ни Бога нет, ни царя?..
Если даже Отечества нет?!..

Если попрано все!.. и в моей стране
Правит бал торжествующий хам!..
Чем прикажете жить, если места в ней
Нет ни мне, ни моим стихам?!

Если сердце мое – как гноящийся струп,
А душа – больна и нага!
Ты теперь – мой последний... единственный друг —
Револьвер системы «Наган».

Мне вручили тебя в девяносто восьмом.
В день присяги. И с этого дня,
Двадцать, с лишним, лет, ты, товарищ мой,
Сотни раз выручал меня.

Я давно поборол и сомненья, и страх
Перед самым последним грехом.
Я пишу эти строки в свете костра
Из моих остальных стихов.

Напишу их стволом на песке – и все!
Их никто не прочтет? – так что ж!..
Пусть их ветер к утру по степи разнесет,
Или смочет нахлынувший дождь.

А когда свой последний катрен допишу —
Вытру ствол... крутану барабан...
И поставить в нем точку тебя попрошу,
Револьвер системы «Наган».

2.5. Сказка о Юки-онна³

Я не люблю скоморошества
И пустословия праздного —
Дутых историй, умело
Яркими красками крашенных.
Сказок на свете множество.
Сказки бывают разными.
Я расскажу черно-белую —
Страшную:

«Небо беззвездно-черное
Тучами занавешено.
Воет метель февральская,
С редкими промежутками.
Вечно бродить обреченная
Страшная Снежная Женщина —
Грозная и прекрасная,
Жуткая —

Мрачно кружит по Японии
В белом метельном облаке,
Входит в рыбацьи хижины,
Входит в дома богатые...
Грозная и спокойная:
Холод в бесстрастном облике,
Взгляд – на весь мир обиженной
Статуи.

Сила её сокрушительна:
Ни при случайной встрече вам,
Ни за засовами прочными
Не уберечься от демона.
Жизнь или смерть – решит она
(И не дано вам третьего!) —
Хищница полуночная...
Где она

Рыщет ночами холодными,
С ликом, белее извести?
Может, стократно размножена,
Всюду за нами охотится?
Где она, вечно голодная?
Может, она поблизости?
Этого знать мы не можем, но...

³ Юки-онна – Снежная женщина.

Хочется.

Из темноты базальтовой
Слышится вьюги пение...
По потолку расползаются
Тонкие белые линии...
Словно водою залитый,
Гаснет огонь, с шипением...
Стены и пол покрываются
Инеем...

Думаете, вам блазнится?..
Дальше, мол, груз своих бед нести?..
Нет! Ваша смерть приближается —
Грозно... не зная усталости...
И для нее нет разницы
Между богатством и бедностью,
Юностью и уважаемой
Старостью.

С ней невозможно справиться.
Вы беззащитны – помните!
Раз уж судьбой так назначено —
Сопротивляться не нужно вам.
Миг – и она появится
Из ниоткуда в комнате —
Белая... полупрозрачная...
Вьюжная...

Пассажирами рук леденящими
Вас превратит в изваяния —
Снулые... безответные...
Новые жертвы выберет
И, наклонившись над спящими,
Чтобы забрать их дыхание,
Лица их бледностью смертною
Выбелит...»

Это простая история
Тысячелетней давности,
Но сохраненная в вечности —
Сказка о странной нежити —
О Юки-онна, которая
Видно устала от данности,
Вдруг захотев человеческой
Нежности.

Я рассказал бы в подробностях,
Будь я поэтом лирическим,

Как она, без разрешения
Древних богов Японии,
К людям, с опаской и робостью,
Вышла в людском обличии...
Как предрекали лишения
Они⁴ ей...

Как, поборов искусственность
Собственного поведения
И позабыв о скитаниях,
Женщиной стала обычной...
Как научилась чувствовать...
Как к ней пришли сновидения...
Как появились желания
Личные...

Как познавала трепетно
Наши людские истины...
Как, не увидев в ней прежнюю,
Люди смогли понимать её...
Как свое счастье встретила...
Как полюбила искренне,
Стала женой и нежною
Матерью...

Стал бы рассказ мой обещанный
Приторной сентиментальностью —
Годной в любом издательстве
Пошленькой розовой повестью.
Только столкнулась женщина
С нашей людской ментальностью —
Жадностью, злобой, предательством,
Похотью.

И, не стерпев унижения,
Вспомнив былое величие,
Опыт убийства вспомнила
(Видно, он выгорел в ней не весь),
И появилась – для мщенья —
В прежнем своем обличии.
Только жестокость дополнила
Ненависть!

К тем, кто нас «кормит» эрзацами...
К тем, кто обогащается,
Строя на наших несчастьях
Личное благополучие...

⁴ Они – общее название японских демонов.

Вместе с другими мерзавцами,
С легкостью расправляется
В подлом обмане участвуя,
С лучшими...

К наглой «элите топовой»
В князи из грязи вышедшей...
Я бы хотел, чтоб вы поняли:
В черной работе – честная,
Нежить, как прежде, топает
В грязи эпохи нынешней,
Только сегодня в Японии
Тесно ей.

Сопками сахалинскими,
Льдами пролива Татарского,
Тропами дальневосточными
К нам она приближается
Через просторы сибирские,
Через отроги уральские...
Вряд ли она над порочными
Сжалится!

Бойтесь ночами холодными
Те, кто других обидели!
Те, чье существование
Подлюю ложью опутано!
Нынче её – голодную —
Уж на Рублевке видели...
Бойтесь её дыхания!
Тут она!

2.6. Извините, достали!.

Вот, казалось, должно быть мне «до лампочки» это,
Но, однако, достали!.. Три недели подряд...
Ежедневно... я утром открываю газету —
Снова «лишние люди» в заголовках пестрят.

Телевизор включаю – депутат сытомордый
В многодневном ток-шоу (сто бы лет не глядел!)
Рассуждает с апломбом, убежденно и гордо,
О засилии жутком этих «лишних людей».

Господа – Добролюбов, Чернышевский, Белинский!..
Риторический Герцен и ехидный Щедрин!
Это вы умудрились – совершенно по-свински —
Этот термин попсовый нам в сознание внедрить!

Я скажу от души вам – может, резко и грубо...
Может, даже чрезмерно откровенно и зло:
Вы меня извините, господин Добролюбов, —
Ваши «лишние люди» – это просто фуфлю!

Индивиды-дворяне – в злой тоске от бессилья:
«Ах! – эпохой не понят!»... «Ах! – отстал от нее!»... —
По сегодняшним меркам, просто с жиру бесились,
Притворяясь, что ищут назначенье свое.

Их бы в нашу эпоху! В наш отстойник столичный! —
Покопаться сегодня в нашем русском г...не!
Здесь становится лишней не отдельная личность —
Поколения «лишних» вымирают в стране.

Это ж страшно подумать, вспомнив школьный их список,
Кем бы стали... бедняги... угодив в нашу жизнь?
Как бы жил здесь Онегин? – Да, наверное, спился б.
Что бы делал Обломов? – Да слинял бы в бомжи.

Как бы гордый Печорин на привычном Кавказе
Подставлялся под пули, с дедовщиной смирясь?..
Правда, Чацкий... вот тот бы приспособился сразу
И, витийствуя в Думе, власть бы «втаптывал в грязь».

Это нас – тех, кто верил беззаветно и слепо —
Поджидал на трибунах злобный топот и свист.
Нынче совесть – всего лишь глупый вздор и нелепость,
Ну, а честность – как хвостик – лишь смешной атавизм.

Это нам – для себя-то – нужно было немного:
Право думать свободно и свободно творить.
Это мы – недоумки – проложили дорогу
Тем, кто, нас отодвинув, выдал лозунг: «Бери!».

Но сегодня есть выбор. Он для каждого – личный.
С кем пойдешь ты и дальше – в нашу мрачную жуть?
Я себя причисляю к поколению «лишних».
И, конечно, я этим бесконечно горжусь!

2.7. Дантес (Из цикла «Монологи»)

Старею... и ходить уже тяжело...
Ну, что за глупость – жизнь! И грустно, и смешно.
Вот, скажем, я – барон, пожизненный сенатор,
Мэр Сульца, кавалер французских орденов,

Почетный гражданин Эльзаса и Парижа,
Честнейший человек, прославленный в боях...
А в русском далеке меня зовут бесстыжим
Убийцей... подлецом... Да!.. облик мой двояк.

«Беспутный бонвиван, авантюрист, повеса,
Любимец зрелых дам, смазливый негодяй,
Жуир, бисексуал, ценитель политеса...
И тут же – карьерист, сквалыга, скупердяй...».

Ах, как легко быть тем, кого хотят в нас видеть!
Подыгрывать, смеясь, безнравственной толпе
И презирать – в душе... и даже ненавидеть...
Но – соответствовать, стараясь быть... тупей!

Вы думаете, я пришёл с душой открытой
В Россию, чтобы в ней решать свои дела?
Вы думаете, встреча двух иезуитов
В германском городке случайно была?

Да! Я – иезуит. И даже – коадьютор:
Я принят в Орден был уже в семнадцать лет.
И это Орден нам определил маршруты
И точный пункт назвал для встречи *tete a tete*.

Я – якобы больной (несчастный, но красивый)
И будущий «*top rège*» (родному не чета!)...
Вы думаете, мне нужна была Россия?
Вы думаете, я всю жизнь о ней мечтал?

Но... делать нечего. Мы – в северной столице.
А там – «*Cherchez la femme!*» – помог прекрасный пол,
И я представлен был самой императрице...
И вмиг зачислен был в её гвардейский полк,

Который, à propos, был развращён... повально:
Любой, в кого ни ткни – распутный содомит...
И мнимая моя, pardon, бисексуальность
Была, как пропуск к ним, – не греет, но дымит.

Я – в свите... на балах... флиртую, без опаски,
В гвардейские цвета, как шлюха, разодет...
Легко получен был, в те дни, Престолом папским
В России – при дворе! – удобный резидент.

«Mon diplomate-papa» был выдан мне «в аренду»
Для помощи, как связь, надёжная всегда.
Всё остальное – вздор!.. красивая легенда
Для умилённых душ сентиментальных дам:

«Красавец-инсургент, преследуемый властью,
Бежавший, чтоб спастись, в российские снега,
И благородный друг, в судьбе его участие
Принявший, как отец»... Пошлейший балаган!

Мой скромный тайный труд потомки не оценят:
Им не ясны мои падения и взлёт.
Я – лишь звено в цепи, кующейся для цели,
К которой Орден наш столетия идёт.

Какие там любовь и страсть – вблизи от трона —
К родившей трех детей красавице пустой!..
Вы думаете, мне нужна была матрона,
Беременная вновь, на месяце шестом?

К чему бы мне молва?.. и ярость рогоносца?
Но ясен был приказ, а это – не пустяк!
И я прикрыл собой интрижку венценосца,
Скандалом скрыв скандал – внебрачное дитя.

Интриги... вызов... брак... – всё это изменить бы!..
Кричали, что я трус... хотя, не в этом суть.
Вы думаете, мне нужна была женитьба,
Чтоб с глупой клушей жить в своём именье Сулиц?

Но я – иезуит, и права не имею
Опасности – любой! – свою подвергнуть жизнь
Без разрешенья тех, кто рангом покрупнее,
Поскольку жизнь моя не мне принадлежит.

Но уж когда вконец зарвавшимся штафиркой
Был нагло оскорблён приемный мой отец,
Я право получил в штафирке сделать дырку,
Ему, как дворянин, ответив, наконец.

Иезуит иметь стальные должен нервы
И должен сделать всё, чтобы остаться жить.
А раз уж должен жить – стрелять обязан первым.

Спокойно. На ходу нахала уложив.

Пройти пяток шагов – не так уж это много.
И в несколько секунд конфликт был разрешен.
Я не хотел убить: стрелял не в грудь, а в ногу.
Проклятая судьба!.. он слишком быстро шёл.

Я понимал, куда ревнивец будет метить —
Он целился в меня, на грязный снег упав —
И, ощущая взгляд, дуэльным пистолетом
Я прикрывал не грудь, я прикрывал свой пах.

Он – неплохой стрелок. Меня он ранил. В руку.
И недоволен был. Но, честно говоря,
Я думаю – с лицом, скривившимся от муки,
Он не в меня стрелял: он целился в царя.

И что же? Мне теперь раскаиваться в этом?
Подумаешь – поэт! Да что мне до того?!
Достаточно вполне, что я свою карету
Данзасу предложил, чтоб увезти его.

Конечно же, арест с дознанием – не праздник:
Дуэли со времён Петра запрещены, —
Но вам не странно ли, что вместо смертной казни,
Я был освобождён и выслан из страны?

Уехал д'Аршиак, меняя службы место,
А секундант Данзас – бесхитростный сапог —
Спокойно отсидев два месяца ареста,
Без наказания в родной вернулся полк.

Забавные судьба отмачивает шутки!
Я знаю, что меня в России не простят:
История всегда юлит, как проститутка,
И пишут её так, как выгодно властям.

Давайте, господа, представим, для примера,
Оставив в стороне всю эту канитель,
Как развернулась бы тогда моя карьера,
Не состоишь в тот день злосчастная дуэль?

Обременён семьёй, в безденежье и грусти,
Мечтая обрести заслуженный покой,
В каком-нибудь глухом российском захолустье
Командовал бы я задрипанным полком.

А здесь – во Франции – мне все кричали: «Браво!», —
Я, как двойной агент, политик, дипломат,

Работая на две великие державы,
Помог им, в трудный миг, их дружбу не сломать.

Я был полезен им в большой игре без правил.
И нужен был всегда! – я честно говорю.
Ведь именно меня Луи-Филипп направил
Посредником в Потсдам к российскому царю.

И я был принят им. И выслушан... с вниманьем.
И мой визит весьма достойно протекал.
Я убедил его. И выполнил задание.
И был доволен мной далекий Ватикан.

И Орден, как всегда, следил за мной исправно
И направлял меня уверенной рукой,
Я тружеником был, и лишь совсем недавно,
Как некогда «mon règne», отправлен на покой.

Нет!.. вы в моей душе сомнений не найдёте —
Прекрасную судьбу мне случай подарил,
И я живу теперь в достатке и почёте...
А, впрочем, я уже об этом говорил.

Вот видите – забыл. И, значит, – заболтался:
С годами, mille pardon, мы многословны... все.
А Пушкин... Пушкин – что ж... Он где-то там остался.
У речки. На снегу. Невидимый совсем.

Хотя, вот, дочь моя, в дурные книжки глядя,
«Прозрела», и теперь его боготворит,
И, чуть ли не молясь на «дорогого дядю»,
Уже который год со мной не говорит.

Её разубеждать – бессмысленно и скучно.
Как говорил в стихах мой незабвенный враг?
«Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспоривай...»? Ну, что ж: да будет так!

2.8. Имам

Воздух густ и горяч, словно плавят в котлах карамель.
Громко бьется в стекло залетевший откуда-то шмель.
Он натужно жужжит. И следит за борьбою шмеля
Пара серых, как пепел, измученных глаз Шамиля.

«...Летний зной – а такого не помнят в Калуге сто лет —
Даже ночью вонзается в горло, как острый стилет,
И, с рассветом, бросает сознание в черный провал —
В полусон-полюявь:...отступление... бой... перевал...
Горстка верных мюридов... измена набов... огни... —
Имамат, как старик, доживает последние дни...
– Разбудите меня!.. Пусть закончится этот кошмар!..
Этот сон!.. – Но черна от холодного пота кошма,
На которой имаму гораздо пристойнее спать,
Чем на мягкой перине, ложась, как неверный, в кровать.
– Просыпайся, имам!.. Эти черные мысли гони!.. —
Но и утром – в глазах – окруженный врагами Гуниб,
И сидящий на камне насмешливый русский сардар...
Я – как шмель – в западне, нанести не способный удар...
Я сдаюсь... я унижен... мне стыдно своей седины!..
Враг мой рад окончанию тридцатилетней войны.
Он берет мою саблю... командует: «На караул!»... —
И мюриды – с оружием! – могут покинуть аул.
Может, эту «почетную» сдачу вменят мне в вину,
И потомки мюридов за «трусость» меня проклянут —
Только не было в сердце имама такого греха:
Не всегда идентичны слова «газават» и «джихад».
Это просто – погибнуть шахидом, в смертельном огне.
Быть политиком – мудрым и хитрым – гораздо трудней.
Христианство с исламом нельзя до конца примирить.
Я – как прежде – суровый имам, я – как прежде – мюрид.
Я спасал свой народ! Я хотел сохранить имамат!
Был мой сын аманатом, теперь я и сам – аманат.
Десять лет я вдали от прохладных кавказских вершин...
Белый царь не дает разрешения хадж совершить...
– Поднимайся, имам!.. Ты – старик... твои дни сочтены...
Мусульманин не должен рассказывать черные сны!
Мусульманину должно с рассветом вставать на намаз!...».

Не кричит муэдзин... нет мечети... Калуга нема...
Бьется шмель о стекло... и следит за борьбою шмеля
Пара серых, как пепел, измученных глаз Шамиля.

2.9. Слушай тишину!.

*Моим аргентинским друзьям и коллегам –
Веронике Санчес и Раулю Косме Эстевесу, убитым,
в числе других противников режима Рейнальдо
Биньоне, в мае 1979 года на поле поло-клуба
"Коронел Суаррес".*

Полночь. Поле для игры в поло.
Лёжа навзничь, разбросав руки,
Ты вдыхаешь тишину, Косме.
Воздух – горькая полынь с перцем.
Не бывает тишина «полной» —
Тишина всегда полна звуков:
Даже если попадешь в космос —
Будешь слышать гулкий стук сердца.

Принесет, прошелестев, ветер
Запах скошенной травы прелой,
Да в конюшне, что в густой роще,
Беспокойная заржет лошадь.
Прошуршит в траве змея где-то,
Заведет сверчок свои трели... —
Тишина звенит в ушах громче,
Чем ревущая толпой площадь.

В черном небе – над тобой, Косме —
Безмятежность и покой... трезвость.
Волопас повел гулять свору,
Добродушных звездных псов гончих.
Вероника расплела косы,
Чтобы волосы опять срезать:
Птолемей вернется к ней... скоро...
Это твой последний день кончен.

Здесь – внизу – травили вас псами
После сыгранного днем матча.
Сняв мундиры – веселы, ражи —
Для потехи, натянув стринги,
Добивали тех, кто жив, сами
Перепившиеся, в хлам, «мачо»,
И насиловали жен ваших,
И машинкой для овец стригли.

Ах, как весело скакать голым,
По живым мячам лупя клюшкой!
А потом надеть мундир важно

И отбыть к своей семье – в город...
Слушай, Косме, тишины голос
(Скоро будут говорить пушки),
И вбирай в себя спиной влажной
Остывающей земли холод.

Этот холод, пополам с болью,
В небе звездные зажег свечи.
Неопетую твою душу
Не услышат в городском шуме.
Ты не свидишься с женой больше —
Вероника будет ждать вечно.
Слушай, Косме, тишину!.. Слушай!
Ты еще не до конца умер.

2.10. Калигула

*«...Так давно это было, что черные вороны
даже*

*Сколько ни вспоминали – не вспомнили, в
точности, дату...»*

Виктор Соснора

Как давно это было! – почти невозможно представить...

Отложив «на потом» всю сегодняшнюю дребедень,
Я, из старости в юность минувшие годы листая,
Вспоминаю свой первый – счастливейший – творческий день.

Ленинград... Тишина в переполненном зрительном зале...
(Впрочем... «зал» – это громко... – всего лишь, холодный подвал)

...

Мы играли Камю... Ах, как мы вдохновенно играли!..
Зритель плакал, смеялся, сочувствовал, негодовал...

И неважно нам было, что вместо портала и рампы
Между «залом» и «сценой» протянут был шнур бельевой...
Что светили нам в лица лишь две самодельные лампы,
И что зрители стулья, в тот день, приносили с собой... —

Ведь под Брубeka с Монком, ревущих из магнитофона —
Под джазменов, в которых мы были тогда влюблены,
Да под собственный скрежет и лязг шумовых какофоний,
Мы творили Искусство!.. на фоне кирпичной стены.

И не важно, что не было «звезд» в нашем братстве студийном —
Каждый мог засиять, как начищенный медный пятак!
Потому что, в тот день, мы и зрители были едины,
Создавая, как радостный праздник, наш общий спектакль!

В нем был бунт!.. был протест, прорывающийся сквозь завесу;
Он был неосязаем... невнятен... незрим... невесом...
Мы играли Камю!.. и его запрещенная пьеса
Заставляла, в тот день, наши души звучать в унисон.

И на «сцене»... из ночи... рассветное солнце вставало!..
И мы жили на ней!.. ненавидя... страдая... любя...
И метался Калигула в тесном пространстве подвала,
Разрушая!.. вконец опостылевший мир... и себя!..

И кордон добровольцев – а их было множество, к счастью —
Плотной группой стоял у подъезда, мешая жильцам,

И в подвал не пускал представителей власти мордастых,
Чтобы дать нам возможность спектакль доиграть до конца.

Вот уж скоро полвека со дня этой нашей премьеры.
Сколько было потом их – за длинную-длинную жизнь!.. —
Поражений... побед... компромиссов... халтуры, к примеру...
Признаюсь, очень трудно по полочкам всё разложить.

Меркантильность и пошлость растут и растут, год от года.
Жизнь, как прежде, груба. А актерская гордость – слаба...

Я сегодня тоскую по тем «временам несвободы»,
Когда «Творчество» было синонимом слова «Борьба».

3. Саша Бест⁵

3.1. Стокгольмский синдром

Желтое солнце застыло в горячем паркуре —
Хмурый художник мазками рисует закат.
В этом закате мой Ангел задумчиво курит.
Надо завязывать, только не бросит никак.

Волей судьбы мы безжалостно-близкие люди.
Волей небес мы, бунтуя, творим беспредел.
Ты меня так же, как прежде, болезненно любишь,
Зная, что я уже жизнь, как к тебе охладел.

Ходишь за мной по пятам, обнимаешь, как душишь.
Этот Стокгольмский синдром пожирает, растет.
Я тебе нужен. Зачем-то отчаянно нужен.
Ставлю диагноз – «негласно виновен во всем».

Я принимаю тебя как привычную данность,
Как одного из безликой безмастной толпы.
Как же иначе? Ведь кем для тебя тогда стану,
Если умерю свой гордый безжалостный пыл?

Я насыщаюсь тобой, если чувствую жажду.
Но отчего я порой повторяю во сне? —
«Как я смогу отпустить тебя, если однажды...
Если однажды ты вдруг охладеешь ко мне?»

⁵ <http://www.chitalnya.ru/users/julber/>

3.2. Кукла наследника Тутти

Ты играешь со мной,
Ты пугаешь весной.
Я не сплю уже целые сутки.
Я смотрю из окна
Как колдует весна,
Как к фонтану слетаются утки.

Я смеюсь невпопад,
И волос водопад
По спине грациозно струится.
В этой клетке теней
Я люблюсь своей.
Я невольная вольная птица.

Я твой старый каприз —
Заводной механизм
В ярком платье, но тусклый, по сути.
Сон, похожий на рок:
Я – циркачка Суок,
А не кукла наследника Тутти.

Ты ревнуешь меня
Каждый вздох мой и взгляд,
Каждый шаг мой к распахнутой двери.
Я останусь собой.
Я не стану другой,
Если ты перестанешь мне верить.

Мы сегодня вдвоем.
На запястье моем
Незаметные капельки ртути.
Я танцую до слез,
Я играю всерьез.
Я ведь кукла наследника Тутти.

3.3. Если зима вдруг приходится на июль

Если зима вдруг приходится на июль,
Если проснулся в кровати, но весь в снегу,
Губы мгновенно замерзли на слове «лю...»
Значит, солгу тебе правду. Опять солгу.

Я расскажу, что ты принц из другой страны.
Я промолчу, что страны твоей больше нет.
Той, где под солнцем и звездами все равны,
Той, по которой ты плакал сейчас во сне.

Я расскажу, что глаза у тебя в отца.
Я промолчу, что он был от рождения слеп,
Помня его волевые черты лица,
Теплые руки, дающие теплый хлеб.

Я расскажу про родную твою сестру.
Смуглую девочку, шуструю, как лиса.
Я промолчу, как тащили ее к костру.
Богу Дождя не хотелось ее спасать.

В доме натоплено. Ночь и горит камин.
Ты улыбаешься, веря моим словам.
А за окном, осыпаясь, цветет жасмин
А под окном, зеленея, растет трава.

Ты засыпаешь и видишь свои снега.
Я научу, и ты сможешь сказать «люблю».
Знаешь, как трудно бывает тебе солгать,
Если зима вдруг приходится на июль?

3.4. Вставай-ка, царевна, пора собирать тряпье

Вставай-ка, царевна, пора собирать тряпье.
Тебе восемнадцать, погода прекрасна для мая.
Прощаться с отцом? Да он даже тебя не узнает...
Он несколько весен подряд беспробудно пьет.

Бери все, что ценно: игрушки, кота, пальто,
Цветные фломастеры, книгу, бумажного змея.
Все важное сердце подскажет, а я не сумею.
Про паспорт и деньги забудь – заберешь потом.

Запомни одно: как пойдешь – не смотри назад,
Чтоб встретиться взглядом с одним яснооком эмиром,
Который, склонив пред собою три четверти мира,
Полюбит тебя за свободу в твоих глазах.

Захочешь родить ему сына, родится дочь.
Пророчество как полнолуние – четко по плану.
Любовь – это то, что наносит душевные раны.
И ты, обернувшись волчицей, уходишь в ночь.

Супруг твой от горя уж несколько весен пьет.
А дочь твоя словно прекрасный цветок подрастает
И я, как вожак нашей серой породистой стаи
Велю ей: «Царевна, пора собирать тряпье»

3.5. Хаски

Если я – дежавю, то
Скажи мне об этом сразу.
Я признаюсь, порою
Мне тоже бывает тошно.
Жизнь как пазл, она лишь
Дурацкий картонный пазл.
Мир – горошина в горсти
Таких же других горошин.

Принц по радио что-то
Вещал о Большом Потопе
Нам не страшно, ведь в море
Есть очень добрые рыбы.
Мир из клеток, где ясно
Что в этой грязи утопий
Мы лишь пешки, которым
Придется однажды выбыть

Ты призналась сегодня,
Что я не из этой сказки.
Это значит, что... в общем,
Пора нам с тобой прощаться.
Для кого-то другого
Я стану Сибирским хаски.
Лунным псом, что сегодня
Теряет Кусочек счастья.

Плачет девочка в мире,
Который меня не принял.
Снег искрится, роняя

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.